

Невозможно проявлять творчество в условиях, когда студенты не верят в то, что они справятся с поставленной задачей. Поэтому следует поощрять стремление студентов к самостоятельности при выборе средств и методов решения творческих задач.

Не следует поощрять у студентов тенденции к соглашательству, подчинению требованиям большинства, желательнее поощрять проявления фантазии студентов. В этом может помочь высокая самооценка личности. В творчестве она менее опасна, чем заниженная.

Следует добиваться того, чтобы каждый студент был самим собой, имел индивидуальный стиль в решении творческих проблем. Для этого на всех стадиях обучения преподавателю следует не просто говорить об уважении к личности студента, но и реально проявлять его, прислушиваясь к мнению студентов.

Литература

1. Альтшуллер Г. С. Найти идею. 3-е изд., доп. Петрозаводск: Скандинавия, 2003.
2. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития. М.: Академия, 2007.
3. Лосев А. Ф. Диалектика творческого акта (краткий очерк). М.: Контекст, 1982.
4. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики // Творчество и объективация / сост. А. Г. Шиманский, Ю. О. Шиманская. Мн.: Экономпресс, 2000.
5. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер с исп. / сост., предисл. И общ. ред. А. М. Руткевича. 2-е изд. М.: Издательство «Весь Мир», 2000.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005.
7. Wallas G. The Art of Thought. N. Y., 1926; Солсо Р. Когнитивная психология. 1996.

УДК 940. 1 (450)

Краснова Ирина Александровна

ОСНОВНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ КОММУНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ФЛОРЕНЦИИ XIII-XIV ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ВЕРСИИ

В данной статье отражено основное социальное противоречие города Флоренции в XIII-XIV вв. – между торгово-ремесленными слоями и урбанизированной знатью – в историографическом аспекте. Приводятся основные версии, выдвинутые в итальянской историографии в XX – начале XXI в., в поисках ответа на вопрос, что преобладало – социальная борьба или тенденции к синтезу знати и народа.

Ключевые слова: знать, народ, социальные противоречия, урбанизация, историографические версии.

Krasnova Irina A.

THE MAIN SOCIAL CONTRADICTION OF COMMUNAL SOCIETY OF FLORENCE IN XIII-XIV CENTURIES: HISTORIOGRAPHICAL VERSIONS

The object of research is the main social contradiction of Florence in XIII-XIV centuries – between trade and industrial layers and urban nobility – in historiographical perspective. Shows the basic version of the Italian historiography of XX – beginning of XXI century in search of an answer to the question: what prevailed the social struggle or trends in the synthesis of the nobility and the people.

Key words: the nobility, people, the social contradictions, urbanization, historiographical versions.

Средневековая Италия, как никакая другая европейская страна, представила в средневековой урбанистике богатейшее разнообразие экономических, социально-политических, культурных альтернатив, развивающихся в автономных городах-государствах, коммунах и синьориях. К итальянскому городскому обществу XIII–XV в. неприменим классовый подход, являющийся слишком грубым инструментом для анализа перепутанных отношений между множеством различных социально-профессиональных страт, групп и общностей, призванных функционировать как единый организм на небольшом пространстве, ограниченном стенами города. Сложная социальная структура, опыт разрешения острых антагонизмов, процессы конвергенции разных слоев городского населения уже несколько веков являются объектами пристального внимания исследователей разных стран. Особый интерес вызывает история города-республики Флоренции, в которой развивалось

противоречие между урбанизированными древними знатными фамилиями, имеющими феодальное происхождение (*grandi, nobili, magnati, gentiluomini*), и торгово-ремесленными слоями (*popolani*).

В начале XX в. проблема отношений знати и народа вызвала дискуссию, начало которой положили итальянский исследователь Гаэтано Сальвемини и русский историк-эмигрант Николай Оттокар, затронув столь кардинальные вопросы коммунальной истории Флоренции, что за многие десятилетия исследователям не удалось получить на них исчерпывающие ответы. Фундаментальной проблемой общества Флоренции, как и историографии о коммунальной Италии между XIII и XIV вв., стал «вопрос о магнатах». Современный итальянский историк П. Гвальтьери, характеризовал его, как «очень сложный узел с запутанной проблематикой, относящейся к развитию и утверждению пополанства, существенный политический успех которого, как и процесс дискриминации и относительной политической маргинализации старого правящего слоя, приобрел для Флоренции почти абсолютный характер» [7, р. 70; 9]. Труды Гаэтано Сальвемини и Николая Оттокара, разделенные по времени дистанцией около 25 лет, обозначили последующие историографические дебаты, способствуя поляризации позиций относительно проблемы противостояния между магнатами и пополанами.

Выдающийся итальянский историк рубежа XIX–XX в. Гаэтано Сальвемини, который специально занимался рассматриваемыми проблемами, утверждал наличие в обществе Флоренции острой борьбы между двумя основными сословиями и придавал исключительно большое значение Установлениям справедливости 1293 г., которые, по его мнению, стали причиной дальнейшего расцвета коммуны и не дали ей выродиться в мелкий бург под управлением земельных собственников. Г. Сальвемини, разделяя в некоторой степени марксистские позиции, видел в этом противостоянии классовую борьбу между сословием сельских рантье – магнатов (*гранды*) и сословием торгово-ремесленных производителей – пополанов [18, 19, р. 228–229]. Концепция Сальвемини имела многих последователей в первой половине – середине XX в.: ее придерживались такие известные историки, как Р. Давидсон, Н. Родолико, Ф. Каталано и другие.

Н. Оттокар, на мировоззрение которого повлияли враждебное неприятие революции 1917 г. в России и ненависть к большевистскому режиму, признавал различия между *грандами* и пополанами внутри Флоренции, но, возвышая нобилей над народом, отрицал политическую борьбу между ними – «это спорная концепция, не подтвержденная действительностью». Он считал, что попопаны выступали только против крайних проявлений насилия и агрессии со стороны *грандов*. [14, р. 90–97]. При этом Н. Оттокар рассматривал вопрос в социально-политической плоскости, интерпретируя антагонизм как противостояние правящих олигархий, социально и экономически преобладающих в городе. Отмечая, что в 1282–1293 гг. не произошло существенных изменений в составе правящей элиты, Оттокар осуждал принципы Сальвемини и следующих за ним историков, как антиисторические: «Политические упования пополанства расцениваются ими, как факт всегда актуальный и всегда идентичный. Идея, что интересы общества могли в определенных реалистических условиях воспринимать другие формы политической организации, считается антиисторической, потому что она нарушает... воображаемые отношения, неизменяемые и вечные, между «классами» флорентийского общества. Вся внутренняя история Флоренции второй половины XIII в. сводится в современной историографии к простому противостоянию между господствующим слоем магнатов и политическими движениями народа» [14, р. 49].

Н. Оттокар подвергал критике многие выводы о проявлениях борьбы *грандов* и пополанов в XIII в., полученные Р. Давидсоном на основе интерпретации ряда архивных документов, считая их ошибочными, поскольку тот исходил из предвзятой концепции классовой борьбы между нобилиями и плебсом [14, р. 50–53]. Русский историк также высказал ряд ценных и не утративших актуальность наблюдений: изначально, то есть после возвращения гвельфов во Флоренцию в 1267 г., партия гвельфов не являлась исключительно нобильским институтом, включая и пополанство; флорентийские магнаты были тесно связаны с торговлей, банковским делом и другими видами предпринимательства [14, р. 53–54], пополанские фамилии были представлены в составе правящей элиты и различных властных структурах, включая и посты гибеллинской и гвельфской партий [14, р. 59–62], что подтвердили исследователи во второй половине XIV в. [16, р. 37–39, 53; 21, р. 103–106, 110, 113, 116–117]. Критика Оттокара далеко не всегда подтверждалась документально, прежде всего, по той причине, что многие аутентичные источники, позволяющие провести верификацию, не сохранились. Они справедливо указывали на недостаточность аргументов, на основе которых Н. Оттокар строил свои хронологические гипотезы, и неточность датировок, предлагаемых русским ис-

ториком [21, р. 99]. Н. Оттокар пришел к выводу: «Предположение, что в политической жизни Флоренции доминировал в те годы контраст между двумя оппозиционными партиями – магнатами и пополами, и что пополанская партия находила свое выражение в ремесленном Приорате, противоречит реальности... Социальные контрасты между магнатами и пополами не представляли доминирующего мотива флорентийской истории этого периода» [14, р. 121].

Последователи Н. Оттокара, в частности, Д. Пампалони, были склонны утверждать преобладание симбиоза между народом и бывшими выходцами из старой феодальной знати. Д. Пампалони полагал, что «не было никаких особых различий между грандами и пополами, кроме тех, которые мы сами придумали... обе группы составляли единый комплекс, а говорить о постоянной борьбе или антагонизме между ними – явное заблуждение, далекое от истины» [15, р. 343]. Подобный подход отличал труды известного историка XX в. А. Тененти, заявлявшего о «симбиозе между буржуазным и феодальным сословиями», а также Р. Романо, Р. Мандру, Ж. Ле Гоффа, приходящих к заключению о «сцеплении торговой буржуазии с феодальной знатью», «интеграции между двумя этими группами, которая в Италии была сильнее, чем где бы то ни было» [17, р. 117–118]. Указанные исследователи склонялись к тому, что городское общество Флоренции вряд ли можно считать сословным в обычном понимании этого слова применительно к позднему средневековью. Жак Ле Гофф указывал, что к концу XIV в. во Флоренции меняется само понятие «знатность»: главным его критерием становится не происхождение из старого феодального рода и рыцарское достоинство, а скорее социально-политический статус в городе и количество предков, занимающих высшие должности [8, р. 151].

С последней трети XX в. в историографии наметилась явная тенденция отказа от полярности позиций историков XIX – первой половины XX в., как следствие попыток более глубокого изучения на основе сохранившихся архивных документов внутренней динамики социально-экономических и политических процессов внутри феодальной по своему происхождению знати, стоящей у истоков коммунальной ассоциации, или позднее переселившейся в город [5, р. 359–361; 10]. Исследование взаимодействий магнатов и пополанов в рамках городского пространства, на уровне разных форм сотрудничества и вражды, позволяет более обоснованно показать как проявления противостояния между двумя основными слоями флорентийского общества, так и пути его преодоления.

Отправным пунктом новых взглядов на проблему представляется появление коллективной монографии (1978) «Гибеллины, гвельфы и жирный народ: носители политической власти во Флоренции», в которой прослеживается тенденция не отвергать ту или иную точку зрения, но подвергнуть их взвешенному и критическому анализу на основе вновь вводимых в оборот архивных документов. Один из авторов, Даниэлла Медичи соглашается с Н. Оттокаром в том, что магнатские фамилии сохраняли свою жизнеспособность вплоть до 1293 г., опираясь на социальный престиж и такую мощную политическую структуру, как партия гвельфов. Однако она не принимает в полной мере позиций Н. Оттокара в отношении неизменности состава Приората с 1282 по 1292 гг. Нобили были представлены в Советах и занимали самые почетные должности, исполняли важнейшие дипломатические миссии, осуществляли полководческие функции, но в меньшей степени состояли в Приорате цехов, который становился все более значимым исполнительным и распорядительным органом: с 1282 по 1292 гг. всего 13 % членов Приората являлись грандами. При этом очень важным является ее наблюдение, что в Приорате нобили участвовали «не как представители фамилий знати», но как «члены старших цехов, то есть выступали не столько выразителями мнения того социального слоя, к которому принадлежали, сколько представителями торгово-ремесленных кругов» [12, р. 199–200; 2, р. 250–258, 263–264]. Согласно исследованиям Д. Медичи, с 1282 по 1293 гг. существенно уменьшилась доля фамилий древней нобильской аристократии, составивших в Приорате всего лишь около 4 % (Адимари, Торнаквинчи, Виздомини, несколько членов консортерий Росси, Пацци, Пильи, Абати) [12, р. 201–202]. Признавая многие выводы русского историка, Д. Медичи, однако, указывала на «туманность суждений о правящем классе Флоренции», «неопределенность контуров, отчего трудно понять мысль историка, но легко исказить ее», на противоречивость тезисов, из которых неясно, сводился ли правящий слой к узкой олигархической элите или был представлен широкими социальными стратами. Д. Медичи решительно не согласна с заключением о том, что с 1267 вплоть до 1293 г. правящий слой не претерпел никаких изменений: русский историк, по ее мнению, «забальзамировал правящий класс», как монополию группы фамилий, используя далеко не весь комплекс необходимых источников. Исследователь показала не только ослабле-

ние могущества слоя грандов в связи с образованием Приората и высылкой из Флоренции почти всех представителей родов гибеллинской знати (1267), но и усиление торгово-ремесленных слоев во властных структурах, особенно Приорате и Коллегии 14-и. Исследуемые документы подвели ее к несогласию с мнением Г. Сальвемини о всеопределяющей роли социальных контрастов, которые не являлись постоянно действующим фактором [12, p. 223–225].

Второй автор, Массимо Тарасси также был солидарен с Оттокарсом относительно быстрого стирания различий между новой, выдвинувшейся не ранее второй половины XIII в. из торгово-ростовщических слоев, знатью и богатыми влиятельными пополанскими домами: «Оттокар был, в сущности, прав, когда заявлял, что Фрескобальди, Спини, Моцци, Барди, Черки, фигурирующие позже в списках магнатов, не отличались ни в чем от многих других крупных домов, всегда считающихся пополанскими: Аччайуоли, Каниджани, Фальконьери»... Некоторые из этих фамилий приобретали такие качества, которые позволяли им через 15–20 лет числиться в категории магнатов» [2, p. 144]. Серджо Раведжи демонстрировал солидарность с Н. Оттокарсом и в более глобальном заключении: обозначение «классы», употребляемое в отношении грандов и пополанов, он считал «механическим», противоречащим наличию интерклассовых политических фракций и интерперсональных связей, к «которым лишь в минимальной степени можно приложить характеристики экономического характера» [16, p. 64].

На рубеже XX и XXI вв. в зарубежной историографии, особенно итальянской, повысился интерес к проблемам социальной структуры городских сообществ средневековья и, в частности, к тем трансформациям, которым подвергались слои знати внутри стен города [11]. В настоящее время историки обнаруживают тенденцию сужать фокус видения проблемы, разукрупняя ее отдельные блоки, выделяя, к примеру, сюжет о городских рыцарях [4, p. 5–25; 1; 3; 6; 20], или об институтах вендетты и фиды в городском сообществе [22]. Нельзя отрицать значимость труда Энрико Фаини (2010), который обратился к малоисследованному из-за скудности письменных источников периоду XI – начала XIII вв. Привлекая документальный материал, ему удалось воспроизвести процесс урбанизации феодальной знати в округе Флоренции и наметить его основные этапы: в частности, автор выделил промежуточный период «кочующей знати» – феодальных фамилий, временами обитающих в городе, но возвращающихся в свои замки в контадо [5]. Современные исследователи не отрицают политической дискриминации магнатов после 1293 г., но доказывают продолжение возможности идентификации их, как особой социальной группы, имеющей явные отличия от пополанства [22, p. 109; 1]. Отдельной значимой темой стал вопрос о существенном изменении «политической практики и образа действия власти правящей элиты» после принятия Установлений Справедливости [13, p. 180].

Литература

1. Artifoni E. Tensioni sociali e istituzioni nel mondo comunale // La storia. I grandi problemi dal Medioevo all'età contemporanea. Dir. da N. Tranfaglia e M. Firpo. Torino, 1986. T. I. Il Medioevo, 2 Popoli e strutture politiche.
2. Becker M. A. Study in Political Failure: The Florentine Magnates (1280–1243) // Medieval Studies, 1963.
3. Cardini F. L' acciar de' cavalieri. Studi sulla cavalleria nel mondo toscano e italico (secc. XII–XV). Firenze, 1997.
4. Cardini F. Introduzione. Cavalieri e città nella società italiana medievale // Cavalieri e città. A cura di F. Cardini, I. Gagliardi, G. Ligato. Atti del III convegno internazionale di studi. Volterra, 19–21 giugno 2008. Pisa, 2009.
5. Faini E. Firenze nell'età romanica (1000–1211). L' espansione urbana, lo sviluppo istituzionale, il rapporto con il territorio. Firenze, 2010.
6. Grillo P. Cavalieri e popoli in armi. Le istituzioni militari nell'Italia medioevale. Roma – Bari, 2008
7. Gualtieri P. Il Comune di Firenze tra due e trecento. Partecipazione politica e assetto istituzionale. Firenze, 2009.
8. Legoff J. Marchands et banquiers. P. 43–46; R. Mandrou. Introduction a la France moderne (1500–1640). Paris, 1961.
9. Maire-Vigueur J.-C. Il problema storiografico: Firenze come modello (e mito) di regime popolare // Magnati e popolani nell'Italia comunale. Atti del quindicesimo Convegno di studi, Pistoia, 15–18 maggio 1995. Pistoia, 1997.
10. Maire-Vigueur J.-C. Flussi, circuiti e profile // I podestà dell' Italia comunale. Parte I. Reclutamento e circolazione degli ufficiali forestieri (fine XII sec. – metà XIV sec.). A cura di Maire Vigueur J.-C. Nuovi Studi storici. Roma, 2000.
11. Maire Vigueur J.-C. Cavalieri e cittadini. Guerra, conflitti e società nell' Italia comunale. Bologna, 2004.
12. Medici D. I primi dieci anni del priorato // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.

13. Najemy J. A. The Dialogue of Power in Florentine Politics // City states in classical antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome, Florence and Venice. Ed. By A. Molho, K. Raaflaub, J. Emlen. Stuttgart, 1991.
14. Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Torino, 1962.
15. Pampaloni D. Tornaquinci, poi Tornabuoni fino ai primi de Cinquecento // Archivio storico italiano. 1963, CXXVI. P. 343.
16. Ravaggi S. Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
17. Romano R., Tenenti A.. Il Rinascimento e la Riforma (1378–1598). Torino, 1972.
18. Salvemini G. La dignità cavalleresca nel Comune di Firenze e altri scritti. A cura di E. Sestan. Milano, 1972.
19. Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze dal 1280 al 1295. Torino, 1974. P. 48–49; F. Catalano. Stato e società.
20. Settia A. A. De re militari. Pratica e teoria della Guerra medievale. Roma, 2008.
21. Tarassi M. . Il regime guelfo // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere politica a Firenze. Firenze, 1978.
22. Zorzi A. Politica e giustizia a Firenze al tempo degli ordinamenti antimagnatizi // Ordinamenti di Giustizia fiorentini . Studi in occasione del VII centenario. A cura di V. Arrighi. Firenze, 1995.

УДК 291.13

Пикалов Дмитрий Владимирович

МИФЫ О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА И ПАСТУХА В ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

В статье рассматривается мифологический сюжет о противостоянии земледельца и пастуха, характерный для ряда культур Древнего Востока. Анализируются причины его возникновения, особенности и социальные функции.

Ключевые слова: мифологическое мышление, миф, конфликт идентичностей.

Pikalov Dmitry V.

MYTHS ABOUT OPPOSITION OF THE FARMER AND THE SHEPHERD IN ANCIENT EAST CULTURES

In article the mythological plot about opposition of the farmer and the shepherd, characteristic for a number of cultures of the Ancient East is considered. The reasons of its emergence, feature and social functions are analyzed.

Key words: mythological thinking, myth, conflict of identity.

Мифологический сюжет о противостоянии земледельца и пастуха встречается в ряде культур Древнего Востока. Само противостояние представлено в разной степени драматизации, от обычного спора и состязания женихов, до братоубийства. В последнем же случае всегда оказывается, что мирный земледelec, труд которого менее всего связан с насилием и агрессией, убивает пастуха. Хотя убийство как способ добывания пищи и организации жизни скорее присущ именно кочевнику-скотоводу. Наиболее известным сюжетом, повествующим об этом древнем конфликте, является библейский рассказ о двух братьях, один из которых согласно Ветхому Завету, был пастухом, а другой – земледельцем.

Известная всем история о двух братьях, Каине и Авеле до сегодняшнего дня является одной из самых странных и нелогичных легенд Ветхого Завета. Она оставляет больше вопросов, чем дает ответов: остается только догадываться, что это за недобрые дела совершает Каин и что за грех лежит у дверей его; зачем Каин зовет Авеля именно в поле и там его убивает, и почему Бог не знает, что случилось в этом поле; почему земля отверзла уста свои принять кровь Авеля, хотя в тексте говорится, что земля за это прокляла Каина; и что это за такое наказание изгнанием, когда изгнанник строит город, плодит потомство и живет припеваючи под защитой Бога [2]? И почему имя Авеля значит «пастух», а Каина – «кузнец» [16, с. 209]?

На все эти вопросы четкого ответа текст Библии не дает. Как не дают его древние и современные толкователи Библии, ограничиваясь утверждением, что «грех Каина» – это его зависть к брату или изначальное несовершенство, вызванное грехопадением Адама и Евы. Оно и понятно,